

Спасение Спасителей
(129_серия 369)
Проект 369
НЕстатьи – За пределами текста: Смысл, как источник
ЖИЗНИ...

*«Жизнь держится не тем, что уже было,
а тем, ради чего она ещё продолжается.
Когда исчезает смысл — исчезает энергия.
Когда исчезает энергия — исчезает жизнь.»*

Мы завершили предыдущий разговор на мысли, которая на первый взгляд кажется непривычной, но при внимательном рассмотрении становится ключевой: энергия человека не сводится к физике тела. Она не рождается ни в мышцах, ни в клетках — всё это лишь формы её проявления. Источник лежит глубже — там, где человек соприкасается со смыслом своего существования. И тогда неизбежно возникает вопрос: почему в сходных условиях одни люди сохраняют силу жить, творить и преодолевать, а другие, обладая комфортом и безопасностью, теряют внутреннюю энергию? Почему старость у одних начинается задолго до телесных изменений, а у других внутренняя молодость сохраняется вопреки возрасту? Почему один организм словно подпитывается из самой ткани бытия, а другой постепенно теряет эту связь?

Современное знание предлагает **ПРИВЫЧНЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ** — генетика, гормоны, условия среды. Всё это имеет значение, но не объясняет главного: мы постоянно сталкиваемся с примерами, которые выходят за пределы этих моделей. Значит, существует более глубокий фактор, определяющий не только продолжительность жизни, но и её внутреннюю плотность. Его можно называть по-разному — вектором цели, программой развития, связью с Разумом, мерой включённости в собственное будущее. Название вторично. Существенно другое — жизнь поддерживается **НЕ ПРОШЛЫМ**, а будущим. Пока у человека есть будущее, к которому он внутренне подключён, сохраняется энергия движения. Когда это будущее исчезает — начинает угасать и энергия, а вслед за ней и сама жизнь. Именно поэтому старение нельзя сводить к биологии. Оно начинается не с тела, а с утраты направления. Это означает потерю связи с вектором Цели, разрыв между текущим состоянием и тем уровнем, к которому должна разворачиваться система. Генотипы мозга низших уровней фиксируют человека в прошлом и настоящем, тогда как переход к более высоким уровням связан с удержанием будущего, как **АКТИВНОГО ФАКТОРА** управления. И если говорить о преодолении старости и Победе над Смертью, становится ясно: вопрос лежит не только в области клетки или даже мозга. Он лежит в понимании того, каким образом будущее формирует настоящее, и как Разум, выходящий за пределы индивидуального восприятия, становится источником энергии, способной поддерживать жизнь там, где все привычные механизмы уже исчерпаны.

Представим не просто пещеру, а замкнутую систему существования — целый мир, в котором рождаются, живут и умирают люди, не зная, что за пределами их реальности есть нечто иное. Их жизнь коротка, ограничена и предопределена условиями среды. Они **НЕ ЗАДАЮТСЯ** вопросом, почему живут двадцать лет, а не сто двадцать, потому что сама возможность такого вопроса в их системе отсутствует. Уровень их восприятия замкнут на текущем слое реальности, а генотипы мозга не позволяют выйти за его пределы.

Их мир — это не объективная реальность, а лишь её проекция, тень, за которую они принимают всё существующее. Как у Платона, где люди видят только отражения и считают их истиной, так и здесь — сама мысль о другом уровне бытия отсутствует не потому, что он недоступен, а потому что **НЕ СФОРМИРОВАН** механизм его восприятия.

И вот появляется человек, который узнаёт, что за пределами этой замкнутой среды есть иной мир — более сложный, более насыщенный, более продолжительный по времени. Там иная плотность жизни, иные масштабы, иные возможности. Но между этими мирами **СТОИТ БАРЬЕР** — не только физический, но и ментальный, системный. Камень у входа в пещеру — это не просто препятствие, а символ всей совокупности ограничений, в которые вписано сознание. Но самая большая сложность заключается не в том, чтобы сдвинуть этот камень, а в том, чтобы найти тех, кто способен поверить в саму возможность иного. Потому что основная масса не просто не знает — она **НЕ ХОЧЕТ** знать. Она живёт в рамках привычного, опираясь на

унаследованные конструкции, которые когда-то имели смысл, но со временем превратились в инерцию.

Это и есть остаточные управляющие программы прежних эпох — религиозных, родовых, племенных. Они формировались как инструменты выживания в определённых условиях, но, утратив связь с реальной средой, **ПРОДОЛЖАЮТ ДЕЙСТВОВАТЬ**, как автономные ограничения. Человек уже вышел из той среды, которая породила эти правила, но продолжает им следовать, потому что они встроены в его систему восприятия, как неоспоримая норма. Возникает парадокс — развитие ушло вперёд, а управляющие конструкции остались в прошлом. В результате человек тащит на себе то, что уже не только не помогает, но и **МЕШАЕТ ДВИЖЕНИЮ**. Это, как если бы инструмент, созданный для ускорения, превращался в груз. Вот здесь и проявляется ключевой момент, на который указывает «мир вокруг нас» — реальность человека определяется не только внешними условиями, но и **ВНУТРЕННИМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ** восприятия. Пока человек воспринимает традицию как абсолют, он не может выйти за её пределы.

Пока он не различает, где необходимость, а где инерция, он остаётся внутри пещеры, даже если физически давно из неё вышел. Любая традиция — это не истина, а след прежней среды. Пока среда существует, правило является необходимостью. Когда среда исчезает, правило превращается в тень, которую продолжают считать реальностью. И именно это создаёт эффект застревания системы — когда прошлое начинает управлять настоящим, **НЕ ИМЕЯ** под собой основания.

Человек стремится к благу, но его представление о благе формируется теми же программами. В результате он может искренне считать правильным то, что уже **НЕ СООТВЕТСТВУЕТ** ни среде, ни цели. И тогда возникает иллюзия нормы — когда частное представление объявляется универсальным законом. Это является признаком ограниченного восприятия, когда различия принимаются за отклонения, а собственный опыт — за эталон. Но в реальности нет **ЕДИНОЙ «НОРМЫ»** в тех областях, где действует индивидуальное развитие. Есть только различные конфигурации реализации. И когда исчезает фундамент, исчезает и сама необходимость в старых ограничениях. Это и есть **МОМЕНТ ПЕРЕХОДА** — когда система либо освобождается от избыточных конструкций, либо начинает разрушаться под их весом. Таким образом, пещера — это не просто метафора прошлого. Это описание текущего состояния человечества, которое уже имеет доступ к новому уровню, но продолжает жить в логике старых правил. И вопрос теперь не в том, существует ли иной мир, а в том — кто способен его увидеть и сделать шаг к нему.

В новых условиях человек оказывается перед выбором, который раньше просто не существовал. Одним по-прежнему комфортно жить в рамках норм прошлого — соответствовать традиции, моральным и религиозным конструкциям, воспроизводить **УЖЕ ЗАДАННЫЙ** образ поведения. Другие же внутренне чувствуют несоответствие и стремятся жить сообразно текущей реальности, исходя не из унаследованных шаблонов, а из прямого восприятия ситуации. И в этом нет противоречия — каждый ищет своё состояние равновесия, своё ощущение полноты жизни, а значит, и своё понимание блага.

Если посмотреть шире, становится очевидно — представления о счастье столь же разнообразны, как и сами люди. Для одних оно заключено в соответствии образу и правилам, для других — в накоплении и потреблении, для третьих — в семье и устойчивости быта, для четвёртых — в переживании свободы и удовольствия, для пятых — в напряжении преодоления и власти, для шестых — в творчестве и познании, для седьмых — в поиске самого смысла. И все эти векторы — лишь **РАЗНЫЕ ФОРМЫ** проявления одной и той же внутренней потребности. Это есть проявление различных программных конфигураций, закреплённых в структуре мозга и определяющих, каким образом человек взаимодействует с реальностью. Но при всём различии способов остаётся неизменным главное: счастье **НЕ НАХОДИТСЯ** во внешнем объекте. Оно всегда есть внутреннее состояние, возникающее в момент совпадения человека с самим собой — со своей

программой, своим вектором, своей мерой участия в жизни. Здесь возникает принципиальный разрыв с привычным восприятием. Общество оценивает не само состояние, а способ его достижения. Оно выстраивает иерархии – одни способы объявляет достойными, другие – низкими, третьи – запретными. Но если отбросить эту внешнюю шкалу и посмотреть с позиции эффективности, картина меняется. Важен **НЕ ПУТЬ** как таковой, а результат – достигается ли состояние внутреннего тепла, наполненности, включённости. Это как система отопления: не имеет значения, чем именно обогревается дом – важна температура внутри. Но человек часто выбирает не тепло, а соответствие – соответствие ожиданиям, нормам, образу. И тогда он оказывается в ситуации внутреннего холода при внешнем одобрении.

С позиции нашего сегодняшнего мировоззрения это и есть одна из ключевых ловушек восприятия – подмена прямого переживания реальности её социальным отражением. Человек начинает жить не тем, что он чувствует, а тем, как это должно выглядеть в глазах других. И в этот момент он **ТЕРЯЕТ СВЯЗЬ** с собственным источником энергии. Парадокс в том, что в критических состояниях – на границе жизни и смерти – эта иллюзия исчезает. Там, где исчезает страх оценки, человек вдруг видит свою жизнь без фильтров. И именно тогда становится ясно: значительная часть усилий была направлена не на достижение собственного состояния, а **НА СООТВЕТСТВИЕ** внешним ожиданиям.

С позиции системного управления это можно рассматривать, как форму внешнего программирования, при котором энергия человека перенаправляется не в его собственный вектор, а в поддержание структур, **НЕ ИМЕЮЩИХ** к нему прямого отношения. И чем сильнее человек ориентирован на внешний шаблон, тем меньше у него доступа к собственной энергии. Таким образом, вопрос счастья выходит за пределы морали, традиции и даже культуры. Он становится вопросом точности настройки – насколько человек совпадает с самим собой, насколько его действия соответствуют его внутреннему вектору, а **НЕ НАВЯЗАННОЙ** конструкции. Именно в этой точке возникает переход к следующему уровню понимания. Потому что, если энергия напрямую связана с этим совпадением, значит, управление жизнью – это не управление внешними условиями, а управление соответствием между внутренним и внешним. Тогда становится очевидно – проблема не в том, что человек не знает, как быть счастливым, а в том, что он **НЕ РАЗЛИЧАЕТ**, где его собственное состояние, а где навязанная модель.

Человек, стремящийся к счастью, почти всегда сталкивается с парадоксом. Он чувствует внутри себя нечто большее, чем ему позволено проявить. Его подлинное

«Я» оказывается не реализованным, а подавленным — словно заключённым в подвале собственной личности. Снаружи — социальная роль, соответствие ожиданиям, набор привычек и норм. Внутри — связанная энергия, не нашедшая выхода. И именно это **ВНУТРЕННЕЕ НЕСООТВЕТСТВИЕ** становится одной из ключевых причин утраты жизненной силы.

Если смотреть глубже, становится очевидно, что любая форма жизни, любой социальный институт и любая модель поведения есть продукт среды. Среда формирует допустимое, возможное и необходимое. Но среда **НЕ ЯВЛЯЕТСЯ** постоянной. Она изменяется, и вместе с ней должны изменяться формы, которые она породила. Это универсальный закон, одинаково действующий как в биологии, так и в социуме. Когда меняется климат — исчезают виды, не способные адаптироваться. Когда меняется среда существования — прежние формы либо трансформируются, либо уходят. Это касается не только тел, но и структур сознания, социальных институтов, норм поведения. С позиции ОФЧ¹ это означает **СМЕНУ УРОВНЕЙ** Системного Управления и переход от одних программных конструкций к другим. Генотипы мозга, соответствующие прежним эпохам, фиксируют старые модели, как единственно возможные, тогда как новые условия требуют **ИНОЙ КОНФИГУРАЦИИ** мышления и восприятия. Но человек, в отличие от природных систем, обладает инерцией сознания. Он продолжает воспроизводить формы, утратившие связь со средой. И тогда возникает эффект запаздывания — мир уже другой, а человек живёт по прежним правилам. Особенно ярко это проявляется в социальных институтах, которые принято считать «естественными» и «вечными». Например, в представлении о семье. На самом деле ни одна модель семьи **НЕ ЯВЛЯЕТСЯ** универсальной. Каждая из них — продукт конкретной среды, конкретных условий выживания и развития. Там, где требовалась концентрация мужской силы — возникала полиандрия. Там, где ресурс позволял — проявлялась полигамия. Там, где требовалась юридическая упорядоченность — формировалась моногамия. Ни одна из этих моделей не является абсолютной истиной. Они — решения, адекватные своим условиям.

Но сознание человека устроено так, что он принимает привычное за единственно возможное. И тогда возникает иллюзия нормы — то, к чему он привык, объявляется «правильным», а всё остальное — отклонением. При этом аргументация **ВСЕГДА СТРОИТСЯ** не на логике, а на эмоциональных и культурных шаблонах. С позиции более высокого уровня понимания это является следствием ограниченности восприятия: человек не различает, где функция среды, а где «вечный закон». Он принимает временное за абсолютное.

Особую роль в закреплении этих конструкций сыграли религиозные системы. Они не просто описывали нормы — они сакрализировали их, превращая в неизменные установки. В определённый исторический момент это было **ЭФФЕКТИВНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ** управления и организации общества. Но с

¹ «Основы Формирования Человечества» Коллективный труд (А. М. Хатыбов, В. И. Видяпин, Б.В. Маков).

изменением среды эти конструкции начали терять функциональность, сохраняя при этом силу воздействия. И тогда возникает новая трансформация – сакральное уступает место утилитарному. То, что раньше воспринималось как служение, становится расчётом. Это особенно заметно в институтах, которые изначально имели **ГЛУБИННЫЙ СМЫСЛ** — например, в браке.

Когда исчезает сакральное основание, остаётся только рациональная

мотивация — выгода. И тогда отношения начинают строиться по принципам сделки. Активы оцениваются, сопоставляются, используются. Пока есть взаимная выгода — система работает. Как только она исчезает — связь разрушается. Это не «падение нравов» и не «кризис морали», как принято считать. Это **ЗАКОНОМЕРНЫЙ ПРОЦЕСС** смены среды и, как следствие, смены механизмов взаимодействия. Старые формы уже не работают, а новые ещё не оформились.

С позиции сегодня происходящего, это состояние можно определить как переходную фазу — момент, когда прежняя система управления утрачивает эффективность, но новая ещё не заняла её место. В такой фазе усиливается хаос, потому что исчезают устойчивые ориентиры. Именно в этот момент становится критически важным вопрос: на что будет опираться человек дальше? На инерцию прошлого или на осознанное понимание происходящего? Потому что, если он продолжит ориентироваться на конструкции, утратившие связь с реальностью, он **НЕИЗБЕЖНО БУДЕТ** терять энергию — ту самую, о которой шла речь в начале. Его действия будут расходиться с его природой, а значит, внутренний конфликт будет только усиливаться. И наоборот, если он сможет различить, где функция, а где инерция, где необходимость, а где привычка, он получает возможность выйти из «пещеры» не только физически, но и на уровне восприятия. А это уже **НЕ ПРОСТО** изменение поведения. Это переход к иной форме существования, где человек начинает жить не по отражениям прошлого, а в соответствии с реальностью и тем будущим, к которому он способен себя подключить.

Если рассматривать социальные союзы не с позиции привычных оценок, а с позиции системного формирования, становится очевидно то, что в основе их возникновения лежали не моральные или «естественные» законы, а **КОНКРЕТНЫЕ ФАКТОРЫ** среды. В недавнем прошлом можно выделить четыре таких базовых фактора — экономика, религия, власть и культура. Именно они формировали ту конструкцию, которую человек воспринимал как «норму», как нечто само собой разумеющееся. Эти факторы действовали не по отдельности, а как единая система давления. Это можно рассматривать как многоуровневое Системное Управление, где **КАЖДЫЙ УРОВЕНЬ** усиливал другой, создавая

замкнутый контур, из которого невозможно было выйти. Человек, вступивший в союз, оказывался не просто в отношениях — он оказывался внутри конструкции, которая удерживала его всеми доступными средствами.

Экономика требовала объединения, потому что выживание было невозможно в одиночку. Отсутствие пенсий, необходимость совместного труда, распределение функций — всё это делало союз не вопросом выбора, а вопросом необходимости. Дети становились не только продолжением рода, но и **СТРАТЕГИЧЕСКИМ РЕСУРСОМ** выживания. Религия закрепляла эту необходимость, переводя её в категорию сакрального. Союз становился не просто договором между людьми, а обязательством перед высшей силой. Нарушение его означало не социальное отклонение, а экзистенциальное преступление. Таким образом, экономическая целесообразность усиливалась метафизическим страхом.

Власть, в свою очередь, видела в таких союзах инструмент стабилизации. Управлять структурированным обществом легче, чем разрозненной массой. Семья становилась элементом управляемости, ячейкой, через которую распределялись ресурсы, обязанности и контроль. Чем более закреплён был союз, тем **БОЛЕЕ ПРЕДСКАЗУЕМОЙ** становилась система.

Культура завершала этот контур, внедряя соответствующие установки на уровне сознания. Человека с детства программировали на то, что определённая форма жизни — единственно правильная. Отклонение от неё воспринималось не как выбор, а как дефект. В результате формировалась многослойная конструкция, где человек оказывался зажат со всех сторон. Родственники, окружение, традиция, религия и государство образовывали замкнутую систему, внутри которой альтернативы практически не существовало. Это была та самая «пещера», но уже не природная, а социальная. Однако, как и всякая система, эта конструкция была **ФУНКЦИЕЙ СРЕДЫ**. Когда среда изменилась, начала разрушаться и сама конструкция. И здесь проявляется фундаментальный закон: изменение среды неизбежно приводит к изменению форм, которые в ней существуют.

Современная среда действует противоположным образом. Если раньше она сжимала, удерживала, фиксировала, то теперь — размыкает, разрывает, рассеивает. Экономика больше **НЕ ТРЕБУЕТ** обязательного союза. Человек способен обеспечить себя самостоятельно. Технологии снимают необходимость в распределении ролей. Социальные механизмы подменяют прежние функции семьи. Религия утрачивает монополию на смысл. Власть перестаёт нуждаться в жёстко закреплённых союзах, как инструменте управления. Культура, вместо закрепления, начинает транслировать разнообразие моделей. В результате, вектор воздействия меняется на противоположный. Если раньше система прижимала людей друг к другу, то теперь она **СОЗДАЁТ УСЛОВИЯ** для их расхождения. И, как и прежде, человек оказывается под воздействием силы, превосходящей его возможности сопротивления — только теперь это сила не удержания, а разъединения. Вот это то и означает смену управляющих программ. Старые программы, рассчитанные на удержание и фиксацию, продолжают действовать, но

уже не соответствуют среде. Новые программы ещё **НЕ СФОРМИРОВАНЫ**. Возникает переходное состояние — зона нестабильности, где прежние конструкции разрушаются, а новые не обрели форму.

Экономические стимулы к объединению исчезают. Дети утрачивают функцию стратегического ресурса и всё чаще воспринимаются как эмоциональный или культурный элемент. Сам союз всё чаще строится не на необходимости, а на **ВРЕМЕННОМ СОВПАДЕНИИ** интересов и состояний.

Это не деградация и не «кризис ценностей», как принято говорить. Это естественный процесс трансформации системы под изменившуюся среду. Любая форма, утратившая функциональность, либо исчезает, либо преобразуется. И именно здесь возникает ключевой вопрос, который выходит за пределы самой темы семьи. Если прежние конструкции разрушаются, а новые ещё не сформированы, то на чём будет строиться следующая модель? На случайности, на инерции или на осознанном понимании законов развития? Потому что в этой точке мы имеем дело уже не с частным институтом, а с **ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ** — переходом системы на иной уровень организации, где прежние формы больше не могут выполнять функцию опоры.

Религиозный фактор, который ещё недавно цементировал социальные союзы, в современных условиях практически утратил свою силу. Ритуалы остались, но их внутренняя наполненность исчезла. То, что раньше воспринималось как клятва перед высшей инстанцией, сегодня **СТАЛО ФОРМОЙ** — внешним действием без внутреннего содержания. Соответственно, исчез и страх нарушения этой клятвы.

Разрыв союза больше не воспринимается как метафизическое преступление, а становится частным решением, не выходящим за пределы личной сферы. Если попытаться выразить суть прежней конструкции, можно воспользоваться образом равновесия. Человек **НЕ МОГ** удержаться в системе в одиночку — требовался противовес. Союз был необходим не потому, что он приносил радость, а потому что без него система рушилась. Это была конструкция взаимной зависимости, где устойчивость обеспечивалась именно связью. Но в новой среде сама конфигурация изменилась. Человек больше не висит над пропастью, удерживаясь за другого. Он закреплён иначе — через технологии, социальные механизмы,

индивидуальные ресурсы. Противовес перестаёт быть необходимым условием выживания. Связь становится не обязательством, а **ВРЕМЕННЫМ СОВПАДЕНИЕМ** состояний. Это и есть переход от жёстких связей, характерных для низших уровней системного управления, к более свободным конфигурациям, где взаимодействие определяется не необходимостью, а выбором и соответствием. Генотипы мозга

более высокого уровня уже **НЕ ФИКСИРУЮТ** человека в обязательной структуре, а допускают вариативность. Именно поэтому прежняя модель союза начинает восприниматься как ограничение. То, что раньше усиливало, теперь ослабляет. То, что было условием выживания, превращается в фактор инерции. Люди продолжают воспроизводить форму, не понимая, что её функциональность утрачена.

Возникает парадокс. Человек впрягается в конструкцию, которая уже не облегчает движение, а усложняет его. Он делает это не из необходимости, а из привычки. Это и есть та самая инерция системы, о которой говорит происходящее сегодня вокруг нас — когда форма продолжает существовать **БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ**. И тогда возникает подмена — союз создаётся не ради усиления, а ради соответствия. Не ради задачи, а ради образа. Не ради функции, а ради фиксации в социальной матрице. В этом смысле современный союз всё чаще становится не структурой, а событием — моментом, который нужно зафиксировать, пережить, продемонстрировать.

С позиции эффективности это означает утрату самой сущности. Потому что союз, который не усиливает систему, **ПЕРЕСТАЁТ БЫТЬ** системой. Он становится временной конфигурацией, существующей до тех пор, пока сохраняется субъективное ощущение выгоды или комфорта. Здесь возникает ключевой сдвиг: понятие союза, семьи, отношений перестаёт быть универсальной категорией и превращается в частный выбор. Вкус, а не истина. Конфигурация, а не закон. Это болезненный переход, потому что он разрушает прежние опоры. Но с точки зрения системной эволюции он неизбежен. Среда изменилась, а значит, должны измениться и формы, которые в ней существуют.

Особенно ярко это проявляется в перераспределении ролей. Там, где раньше доминировала физическая сила и вытекающие из неё структуры, формировался приоритет, закреплённый в социальных институтах. Но в новой среде решающим фактором становится не сила, а интеллект, воля, способность к управлению информацией. И это **АВТОМАТИЧЕСКИ НИВЕЛИРУЕТ** прежние иерархии. Это соответствует переходу от уровней, ориентированных на выживание и доминирование, к уровням, ориентированным на осмысление, управление и создание. И в этой логике прежние модели не просто устаревают — они становятся препятствием.

Таким образом, разрушение старых форм — это не кризис, а **ПРОЦЕСС ОЧИЩЕНИЯ** пространства для новых конструкций. И вопрос теперь не в том, сохранить ли старое, а в том, понять его природу и освободиться от иллюзии его абсолютности. Потому что пока человек держит форму на уровне «святой истины», он остаётся внутри системы, которую она обслуживает. Но как только он переводит её в категорию личного выбора, он выходит на иной уровень управления — где возможна не только адаптация, но и создание новых форм. Именно здесь открывается следующий шаг — переход от следования среде к её формированию.

Потому что новая эпоха требует не просто изменения поведения, а изменения самой логики взаимодействия человека с реальностью.

Если отбросить привычные оценки и попытаться увидеть суть, становится очевидно: так же как соль определяется своей солёностью, жизнь определяется своим стремлением. Без стремления к реализации своих желаний **ЖИЗНЬ НЕВОЗМОЖНА**. Именно своих — не навязанных, не заимствованных, а тех, что возникают изнутри как прямое проявление программы существования. Это и есть проявление базового вектора Цели, встроенного в любую форму жизни. Этот вектор всегда направлен на сохранение себя и расширение своего состояния. Всё остальное — лишь производные уровни.

Быть — это первичное благо. Всё последующее — его развитие. Следующий уровень — удовлетворение желаний, которые порождаются программами, встроенными в структуру живого. Эти программы могут проявляться как плотские инстинкты или как более сложные, условно называемые духовными. И здесь **ВАЖНО ПОНЯТЬ** принцип: инстинкт — это не осознанный выбор, а встроенная программа, которая формирует желание. Человек не создаёт эти программы — он с ними рождается. Они являются частью той самой «прошивки», которая определяет его реакцию на мир.

Плотские инстинкты очевидны — голод, сексуальность, стремление к безопасности. Их неудовлетворённость вызывает прямой дискомфорт, а удовлетворение — ощущение блага. Но точно по тому же принципу работают и более сложные уровни — то, что принято называть **ДУХОВНЫМИ ИНСТИНКТАМИ**. Страх, сострадание, чувство справедливости, стремление к признанию, к смыслу — всё это не результат логического выбора, а проявление программных конструкций.

Они включаются автоматически, формируя внутреннее состояние, от которого человек стремится избавиться или, наоборот, которое он стремится удержать.

Когда человек помогает другому, он, **КАК ПРАВИЛО**, воспринимает это как проявление альтруизма. Но если рассмотреть глубже, становится видно то, что его действие направлено на устранение собственного внутреннего дискомфорта. Сострадание — это не просто реакция на чужую боль, это **ВНУТРЕННЕЕ НАПРЯЖЕНИЕ**, которое требует

разрешения. С позиции системного понимания это не «хорошо» и не «плохо». Это механизм. Один из способов, через который система поддерживает своё состояние. И здесь разрушается привычная иллюзия деления на «добро» и «зло» как абсолютные категории. В действительности все формы поведения — это различные способы реализации одного и того же базового принципа: стремления к своему благу. Даже в тех случаях, где действие кажется иррациональным — как у

животных, спасающих представителей других видов, — мы имеем дело не с «моралью», а с работой глубинных программ. Эти программы **НЕ ВСЕГДА** совпадают с логикой выживания в узком смысле, но они встроены в более сложную структуру взаимодействия.

С позиции развития генотипов мозга это проявление перехода от простых реактивных моделей к более сложным, включающим элементы надсистемного взаимодействия. Поведение уже **НЕ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ** только прямой выгодой, но и более тонкими уровнями настройки. К этому добавляется ещё один слой — искусственные установки. В отличие от врождённых программ, они формируются средой. Это нормы, табу, представления о допустимом и недопустимом. Они записываются в процессе жизни и начинают работать так же автоматически, как и врождённые инстинкты.

Человек, выросший в одной среде, будет воспринимать одно как норму, в другой — совершенно иное. И при этом в обоих случаях он будет испытывать одинаковое внутреннее ощущение «правильности». Это и есть **РЕЗУЛЬТАТ НАЛОЖЕНИЯ** внешних программ на внутреннюю структуру. Таким образом, человек оказывается системой, в которой переплетаются два уровня управления: врождённый и приобретённый. И оба они направляют его к одному — к достижению состояния, которое он воспринимает как благо.

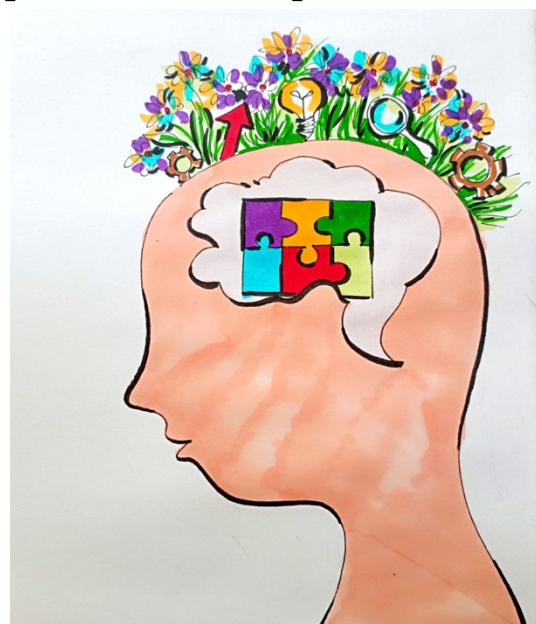
Если проследить развитие человека во времени, становится очевидно то, что форма проявления меняется, но суть остаётся неизменной. Всегда и во всех условиях он стремится к своему состоянию. Даже тогда, когда внешне это выглядит как служение другим. С позиции сегодняшнего дня это означает, что поведение человека **НЕЛЬЗЯ ПОНЯТЬ**, опираясь только на внешние оценки. Необходимо видеть глубинный механизм — тот самый вектор, который направляет его действия. И здесь возникает ключевой переход к следующему уровню понимания. Если всё поведение определяется стремлением к внутреннему состоянию, значит, вопрос не в том, что человек делает, а в том, какие программы формируют его желания. Потому что, изменяя источник желания, мы изменяем саму траекторию движения. А это уже выводит нас за пределы простой констатации и подводит к вопросу управления — не внешнего, а внутреннего, где решается, какой именно вектор будет определять жизнь человека.

Итак, если собрать всё сказанное воедино и подняться над частностями, перед нами вырисовывается картина, которая на первый взгляд может показаться жесткой, но по сути **ЯВЛЯЕТСЯ ОСВОБОЖДАЮЩЕЙ**. Жизнь — это не моральная категория и не набор правильных и неправильных поступков. Это процесс реализации внутренней программы, направленной на достижение состояния, которое человек ощущает как благо. Все формы поведения — от самых «высоких» до самых «низких» — есть лишь **СПОСОБЫ ДОСТИЖЕНИЯ** этого состояния. Различаются не цели, а инструменты и глубина их осознания. Но если смотреть глубже, становится очевидно — за всеми этими формами, за всеми уровнями поведения и программ стоит нечто единое — **Смысл, как источник жизни...**

Потому что в конечном счёте вся статья сводится к одному простому, но фундаментальному равенству: **энергия = смысл = включённость в свой вектор**, а всё остальное — лишь «шум системы», её инерция и вторичные конструкции.

Человек живет не потому, что он следует истине, а потому, что **ОН ВКЛЮЧЁН** в движение к чему-то, что для него имеет смысл. И чем глубже этот смысл, тем мощнее энергия, которую он способен проводить через себя. Но сами смыслы, как и желания, — не всегда принадлежат человеку. Они порождены более глубинными слоями — врожденными программами и наложенными установками среды. И потому, пока человек **НЕ ОСОЗНАЕТ** источник своих желаний и смыслов, он не управляет своей жизнью, а лишь реализует чужие или унаследованные сценарии, принимая их за свои.

С этой точки зрения становится очевидно: большинство людей живет не свою жизнь. Они стремятся не к своему благу, а к соответствию — нормам, традициям, ожиданиям. Их «Я» подавлено, зажато, отложено «на потом», а энергия уходит на поддержание форм, утративших смысл. Отсюда — внутренний разрыв, утрата силы, ощущение пустоты даже при внешнем благополучии. Среда изменилась, но человек, **ВО МНОГОМ**, остался в прежних конструкциях. Он продолжает жить по законам пещеры, уже находясь вне её. Он продолжает тащить на себе «дохлую лошадь» традиций, не задаваясь вопросом, зачем он это делает. И именно это расхождение между реальностью и внутренними программами становится источником напряжения и утраты энергии. Но здесь же открывается и ключ. Если энергия напрямую связана со смыслом, а смысл — с включённостью в собственный вектор, значит, возвращение к себе — не философская роскошь, а условие выживания и развития. Это не про «быть хорошим» или «быть правильным». Это **ПРО СОВПАДЕНИЕ** с собственной природой, с тем уровнем, на котором человек способен действовать как целостная система. Это означает переход от жизни, управляемой подсистемными и внешними программами, к жизни, где человек начинает соотноситься с надсистемным уровнем — с Разумом, с вектором Цели, с будущим как активным фактором управления. И тогда меняется сама логика существования. Человек перестает быть объектом воздействия и становится **УЧАСТНИКОМ ПРОЦЕССА**. Он начинает различать, где его энергия, а где её подмена. Где его смысл, а где чужая конструкция. Где его путь, а где следование инерции. Но вместе с этим возникает и следующий, гораздо более сложный вопрос. Если энергия рождается смыслом, но сами смыслы могут быть заданы извне — программами, культурой, системой, — то, где в этой конструкции находится свобода? Существует ли она вообще, или же всё происходящее — **ЛИШЬ РАЗВЁРТЫВАНИЕ** заранее

заданных сценариев? И если свобода есть, то в чём она проявляется: в выборе действий, в способности менять программы, или в умении выйти за пределы самой системы программирования?

Этот вопрос выводит нас за пределы психологии, социологии и даже биологии. Он требует перехода к рассмотрению самой природы Разума, к пониманию того, каким образом формируются смыслы, кто или что их задаёт, и может ли человек стать не только их носителем, но и их источником...

Продолжение следует...

Ф. Шкруднев

17 июня 2026 г.